

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОГО ПОДХОДА

УДК 81'42 : 008

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-6-14>

Н. В. Синявина

Московский государственный институт культуры, Химки, Московская область, Российская Федерация

e-mail: cleo2401@mail.ru

В. С. Слепокуров

Московский государственный институт культуры, Химки, Московская область, Российская Федерация

e-mail: perviy_prorektor@mgik.org

Аннотация: В статье показаны возможности использования принципов и методов теории интертекстуальности при анализе социокультурного пространства национального государства. Вводная часть посвящена рассмотрению подходов к трактовке терминов «интертекстуальность» и «интертекст», обладающих поливариантным значением в зависимости от научной дисциплины (литературоведение, семиотика и т. д.). Авторы исходят из представления, что интертекстуальность выступает одной из важнейших категорий текста, а ее специфической характеристикой является нацеленность на выстраивание взаимосвязи каждого текста с другими текстами благодаря присущим им знаково-символическим системам. Далее подчеркивается, что экстраполирование принципов данного подхода на анализ социокультурного пространства национального государства, рассматриваемого как текст/метатекст, эвристично, поскольку позволяет выявить механизм взаимодействия между составляющими его (пространство) текстами этно- и региональных культур, между присущими им семиотическими системами, установить характер и установить характер и рассмотреть результаты их взаимовлияния. Авторы отмечают, что при использовании этого методологического приёма видится не столько выявление участников коммуникации, сколько определение качества взаимосвязей и причин взаимообусловленности межтекстовых и межсемиотических систем. Опираясь на метод анализа текстов М. Б. Гаспарова, указанного в качестве текстопорождающих элементов мотив и след, далее авторы в качестве таковых рассматривают национальные символы/идеи и языки, религиозный фактор и культурную память. В заключение делается вывод о том, что трактовка социокультурного пространства национального государства как текста сразу ставит перед исследователем конкретные цели и задачи, связанные с выявлением его

СИНЯВИНА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА – доктор культурологии, профессор кафедры культурологии Московского государственного института культуры

СЛЕПОКУРОВ ВИТАЛИЙ СЕРГЕЕВИЧ – доктор философских наук, профессор, первый проректор, проректор по учебно-методической деятельности Московского государственного института культуры

SINYAVINA NATALIA VLADIMIROVNA – DSc in Cultural Studies, Professor of the Department of Cultural Studies

SLEPOKUROV VITALY SERGEEVICH – DSc in Philosophy, Professor, First Vice-Rector, Vice-Rector for Educational and Methodological Activities Moscow State Institute of Culture

© Синявина Н.В., Слепокуров В.С., 2022

языковых особенностей, формы и структуры, специфики используемой риторики, что позволяет концентрироваться лишь на этих аспектах, не уводя исследование в сторону.

Ключевые слова: интертекстуальность, интертекст, текст, социокультурное пространство, государство, код.

Для цитирования: Синявина Н.В., Слепокуров В.С. Социокультурное пространство национального государства в контексте интертекстуального подхода // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №5 (109). С. 6-14. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-6-14>

SOCIOCULTURAL SPACE OF THE NATION STATE IN THE CONTEXT OF THE INTERTEXTUAL APPROACH

Natalya V. Sinyavina

Moscow State Institute of Culture, Khimki, Moscow Region, Russian Federation
e-mail: cleo2401@mail.ru

Vitaly S. Slepokurov

Moscow State Institute of Culture, Khimki, Moscow Region, Russian Federation
e-mail: perviy_prorektor@mgik.org

Abstract: The article shows the possibilities of using the principles and methods of the theory of intertextuality in the analysis of the socio-cultural space of the national state. The introductory part is devoted to the consideration of approaches to the interpretation of the terms “intertextuality” and “intertext”, which have a multivariate meaning depending on the scientific discipline (literary criticism, semiotics, etc.). The authors proceed from the idea that intertextuality is one of the most important categories of the text, and its specific characteristic is the focus on building the relationship of each text with other texts, thanks to their inherent sign-symbolic systems. It is further emphasized that extrapolating the principles of this approach to the analysis of the socio-cultural space of the national state, considered as a text/metatext, is heuristic, since it allows us to identify the mechanism of interaction between the texts that make up its (space) -ethno- and regional cultures, their inherent semiotic systems, to establish the nature and results of their mutual influence. The authors note that when using this methodological focus, the goal is not so much to identify communication participants, as to determine the quality of relationships and the causes of the interdependence of intertextual and intersemiotic systems. Based on the method of analyzing the texts of M. B. Gasparov, who indicated motive and trace as text-generating elements, the article further examines national language and symbols/ideas, religious factor and cultural memory. In conclusion, it is concluded that the interpretation of the socio-cultural space of the national state as a text immediately sets specific goals and tasks for the researcher related to the identification of its linguistic features, form and structure, the specifics of the rhetoric used, which allows you to concentrate only on these aspects, without taking the study aside.

Keywords: intertextuality, intertext, text, socio-cultural space, state, code.

For citation: Sinyavina N.V., Slepokurov V.S. Sociocultural space of the nation state in the context of the intertextual approach. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 5 (109), pp. 6-14. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-6-14>

Современная гуманитарная наука для своих исследований ищет новые способы, основой которых выступает системный/междисциплинарный подход, позволяющий использовать в качестве инструментария разработанные смежными научными областями методы. Перспективным для анализа заявленной проблематики видится обращение к концепции Ю. Кристевой, введшей в научный оборот понятие «интертекст», благодаря которому стал возможен переход от «постформализма» (М. М. Бахтин) к теории постструктурализма. Основой последнего выступает «представление о всяком современном мышлении как о преимущественно «поэтическом», а «онтологизация понятия «текста» («повествования»), ставшего эпистемологической моделью реальности как таковой, неизбежно выдвинула на первый план науку о тексте» [6]. В контексте данной парадигмы культуру отдельных историко-культурных периодов (как и культуру в целом) можно трактовать как совокупность/сумму текстов, в которых зафиксированы (вербально или не вербально) присущие эпохе модусы мышления (мир как «безграничный текст» у Ж. Дерриди, «энциклопедия» у У. Эко, «космическая библиотека» у В. Лейча). Несмотря на относительную «молодость» данного подхода можно отчасти усмотреть его генетические связи с философией И. Канта. Например, перефразируя одно из основополагающих его понятий и обозначая социокультурное пространство национального государства как «произведение в себе», можно выделять «внутри повествования составляющие его единицы» и анализировать «связи между ними» [8, с. 7].

Поскольку термины «интертекстуальность» и «интертекст» поливариантны, а их объем и трактовка трансформируются в зависимости от подхода и научной парадигмы, необходимо сделать некоторые уточнения, дабы избежать их разноречивых интерпретаций.

Осмысление интертекстуальности как феномена приходится на 1960–1980-е гг., когда в лингвистике и литературоведении обозна-

чился интерес к межтекстовому взаимодействию. Постепенно в границах данных научных направлений стала складываться теория текста, рассматривающая интертекстуальность как одну из основополагающих категорий художественного произведения (Р. Барт, Е. Е. Бразговская, М. М. Гиршман, А. Б. Есин и др.). В качестве теоретико-методологической базы интертекстуальности ряд исследователей указывает на подходы, предложенные Ф. де Соссюром (особенно, его теорию анаграмм), А. Н. Веселовским (в частности, теорию исторической поэтики), Ю. Н. Тыняновым (его учение о пародии), а так же – подход к рассмотрению литературного произведения в контексте полифоничности и хронотопа М. М. Бахтина. Особенno важным оказалось положение Бахтина о том, что любой текст (вербальный и невербальный) становится одним из элементов системы уже существующих текстов, приобретая статус интертекста и начиная диалог, длительность которого заранее определить невозможно. Именно эти идеи оказали воздействие на Ю. Кристеву, внедрившую в научный дискурс не только термин «интертекст», но и интертекстуальность «как обозначение общего свойства» [14].

Современные исследователи трактуют интертекстуальность как одну из важнейших категорий текста, специфическим качеством которой выступает ориентированность на выстраивание постоянной взаимосвязи каждого текста с другими текстами благодаря присущим им знаково-символическим системам [4]. Другими словами, интертекстуальность есть «необходимое предварительное условие для любого текста» [14] и различных видов «текстов в тексте», даже тех, что «с трудом поддаются формализации» [12, с. 48], а также – связи, выстраиваемые между ними, и механизмы воспроизведения/порождения старых/новых текстов, комплекс методов для их анализа.

От этих общих замечаний об интертекстуальности и интертексте и следует оттолкнуться при анализе социокультурного пространства национального государства.

Исторический путь любого государства есть процесс уникальный, характеризующийся присущей лишь ему темпо-ритмической организацией, поэтому формирование национальных государств происходило не одномоментно. Большая часть европейских национальных государств начинает складываться после подписания Мюнстерского и Оsnабрюкского мирных соглашений в 1648 г. (известных как Вестфальский мир), которые юридически закрепляли независимость и автономность государственной власти на подконтрольной ей территории, неделимость и неприкосненность последней для иностранных держав, возможность выступать в качестве самостоятельного субъекта в международном диалоге.

Другим процессом, способствующим возникновению национального государства, выступает осознание собственной идентичности, которая формируется не только в результате территориального обособления (что приводит к выработке национального языка, ценностно-смысловой системы), но и при обязательном внешнем (межэтническом) и внутреннем (внутриэтническом) диалоге. Поскольку лишь при коммуникации с Другим возникает представление о себе, создание единого экономического и информационного пространства, централизация аппарата управления. Национальному государству присущее стремление интегрировать населяющие его территории этносы. Результатом данного процесса должно стать появление «народа» (со всем разнообразием коннотаций данного термина).

Начиная разговор о национальном государстве, исследователь неизбежно сталкивается с проблемой соотнесения понятий различных уровней (нация, подразумевающая и этнос, и население, проживающее на территории национального государства; народ, государство, общество – культурный, политический, социальный уровень соответственно). Анализ состояния современного национального государства усложняется и процессами глобализации, нивелирующими государственные границы (например, фактическое отсутствие таковых между западноевропейскими стра-

нами). Некоторые государства, исходя из того или иного фактора (географического, экономического, ресурсного и пр.), создают различного типа национальные союзы (например, Евросоюз, союзное государство России и Белоруссии и т. д.). Одним из результатов глобализации следует считать и возникновение единого экономического и информационного пространства, патронирование и регулирование которого осуществляется транснациональными корпорациями, что также способствует нивелированию государственных границ.

Использование же принципа интертекстуальности (обладающего эвристическим потенциалом) в качестве методологической основы при анализе социокультурного пространства национального государства позволяет выявить механизм взаимодействия между составляющими его (пространство) текстами этно- и региональных культур, присущим им семиотическим системам, установить характер и выявить результаты их взаимовлияния. То есть, он направлен не только на установление участников коммуникации, сколько на определение качества взаимосвязей и причин взаимообусловленности межтекстовых и межсемиотических систем. Другими словами, данный подход позволяет не только выявить составные части данного текста, но и попытаться установить его смысловую изначальность, которая есть «никоим образом не прошлое, но скорее будущее (исток как цель)» [15, с. 407].

Особенность функционирования текста связана с продуцированием специфического пространства, выступающего местом пересечения высказываний, цитат и образов из других текстов, систематизация которых детерминирована определенным мотивом (или идеей). «Это связано с принципиальной двойственностью интертекстуальной практики, которая, с одной стороны, представляет собой деконструкцию, т. е. вырывает знаки из их систем и разрушает их иерархию, а, с другой, предполагает реконструкцию, стремится к созданию знакового комплекса путем установления соответствий» [9, с. 117].

Исходя из сказанного, еще одной характеристикой интертекстуальности следует назвать *нацеленность на перекодирование изначального текста*. Можно считать, что ей присущ «феномен смысловой трансцендентности» [3, с. 347], возникающий не как результат совокупности аккумулированных в нем смыслов, а приобретение этой совокупностью новых качественных характеристик, превращающих ее в пространстве конкретного текста в систему. Другими словами, результатом взаимосвязи различных текстов этно- и региональных культур, каждый из которых содержит определенный смысл и семиотический код, становится продуцирование фронтонных зон, где и вырабатываются новые смыслы.

В данной ситуации не всегда представляется возможным установить изначальный текст и/или разграничить тексты разных этнокультур, но в отношении национального государства это не всегда и требуется. Для его эффективного функционирования достаточно «видеть» подобные фронтиры и анализировать их актуальное состояние, пытаясь соблюдать баланс между входящими в его состав этнокультурами.

Метод анализа текстов, предложенный Б. М. Гаспаровым, строится на осмыслиении мотива как смысло- и текстопорождающего элемента. С его точки зрения, мотивом может выступать «любой феномен, любое смысловое “ пятно” – событие, черта характера, элемент ландшафта, любой предмет, произнесенное слово, краска, звук и т. д.» [2, с. 30–31]. Смысловое содержание мотива, попадая в пространство инотекста, подвергается трансформации, мотив «не остается равным самому себе», а его ценность проявляется «лишь в тех неповторимых сплавлениях с другими мотивами, которые возникают в данном сообщении в процессе его осмысливания» [3, с. 335].

Формирующийся интертекст априори наделен онтологичностью, поскольку именно она детерминирует механизм порождения бытия текста благодаря актуальному мотиву (комплексу мотивов)/идее (комплексу идей). «Онтологичность подразумевает в данном случае,

что интертекст конституируется в качестве продукта не рецепции разбираемого текста, но процесса текстопорождения» [13, с. 6].

Кроме того, с начала XX в. одним из важных элементов бытования национального государства выступают инфо- и медиа-сфера, детерминирующие многие актуальные процессы и оказывающие влияние на его развитие. Одним из центральных понятий здесь также выступает «интертекст» [14]. В связи с этим невозможно рассматривать интертекстуальность без влияния на нее интермедиальности. Можно говорить, что они выступают основополагающими и взаимосвязанными принципами построения национального социокультурного пространства, задающими границы продуцируемой на их базе официальной/индивидуальной идеологии/мифологемы. Под интермедиальностью, термином, введенным А. Ханзен-Лёве, И. П. Ильин, в частности, подразумевает продуцирование полихудожественного пространства в контексте культуры, основу которого составляет художественный метаязык.

Этот подход также важен для рассматриваемой в статье проблематики, поскольку еще одна трактовка интермедиальности сводится к существованию в пространстве художественного произведения системы внутритестовых взаимосвязей, основанной на взаимодействии различных видов искусства. Подобный подход существенно сужает фокус видения и может быть использован лишь в отношении конкретного художественного текста. Под метаязыком в данном случае следует иметь в виду национальный язык как одно из главных средств межтекстовой-межкультурной коммуникации и выработки единого семиотического кода.

Итак, мотивами/смысловыми « пятнами» для формирования национального социокультурного пространства выступают *национальный язык, национальные символы/идеи, единая религия, культурная память как собирание*.

Национальный язык

Говоря о национальном языке, не следует забывать тезис постструктураллистов о недопустимости объяснения особенностей

национального мышления лишь его детерминированностью спецификой языка (его грамматических форм и категорий), на котором настаивали структуралисты (в частности, Э. Бенвенист). С точки зрения постструктураллистов, взаимосвязь грамматической системы – способа мышления – миропонимания в контексте национальной культуры имеет более сложную природу.

Для возникновения интертекстуальности необходим единый семиотический код, выступающий основой для культурного диалога входящих в него текстов этно- и региональных культур. Одним из доминантных кодов в данной ситуации, безусловно, выступает национальный язык. Утверждение, что становление сознания связано с речью, бесспорно, а значение слова можно трактовать как фиксированную функцию [11]. Ассоциативные цепочки, выстраиваемые в этом случае обладающими единым кодом участниками диалога, способствуют более точному восприятию передаваемого текста.

Национальные символы/идеи

Помимо национального языка следует указать и на необходимость формирования комплекса символов-маркеров, способствующих идентификации – как государства, так и его граждан (герб, гимн, государственный флаг, паспорт и пр.). Искусство и медиа-сфера способствуют их закреплению в массовом сознании. Для этого процесса характерно взаимовлияние различных видов художественной культуры и медиа-сфер, что приводит к межсемиотическим взаимосвязям, усложняющим содержание общенациональных символов. Нередко и они, и их визуальный образ базируются на присущих данной культуре традициях и канонах: имеющий длинную историю серп в гербе СССР; двуглавый орел в гербе современной России и т. д. Это приводит к продуцированию новых знаний через уже известные представления («текст в тексте»). Этот процесс способствует саморефлексии государства как системы, снятию напряжения между различными социальными группами

(особенно на начальном этапе формирования государства), возникновению целостности и, наконец, национального самосознания, что происходит лишь в тот момент, когда нация «делает себя объектом собственного восприятия» [1, с. 27]. Отражением национального самосознания может выступать национальная идея, аккумулирующая представление нации о собственных национальных интересах и единстве. Э. В. Ильенков отмечал, что «в виде идей всегда выражают себя разные потребности, созревшие внутри социального организма» [5, с. 87]. Ш. де Голь, в частности, подчеркивал, что лидер Франции должен олицетворять «некую идею о Франции».

Таким образом, национальная идея-текст способствует структурированию других текстов, отсеивая все, что вступает с ней в конфронтацию. То есть она задает вектор развития, становясь основой для консолидации общества и построения моделей его развития в будущем.

Единая религия

Одним из смыслообразующих элементов для формирования единого европейского социокультурного пространства до определенного момента выступал и религиозный фактор. Входившие в состав европейских средневековых государств (в том числе, и на Руси) племена принимали христианство, которое в контексте выбранной методологии следует трактовать как текст с определенным семиотическим кодом, детерминировавшим все сферы жизни общества. Более того, возникновение Священной Римской империи немецкого народа справедливо считают попыткой восстановления древнеримской цивилизации, но с опорой на новое христианское мировоззрение. Через призму новой религии выстраивались взаимоотношения с соседними народами, христианство выступало идентификационным маркером в установлении границ «свой – чужой». По мере вхождения в состав средневековых европейских государств народов с иной религиозной принадлежностью (в частности, мусульман в Испании или Казан-

ского и Крымского ханств в России, но чаще всего язычников) происходило и постепенное перерастание дихотомии «свой – чужой» в «свой – другой». Эти трансформационные процессы были часто связаны с ориентированностью центра на сохранение этнического компонента во входящем в его состав новом тексте-культуре. В дальнейшем проводилась политика, направленная на ассимилирование и включенность сначала местной, этнически отличной от титульной нации, элиты, а потом и населения региона в целом в общегосударственное социокультурное пространство с сохранением религиозной принадлежности.

Культурная память как созида

В данном случае есть смысл обратиться к теории нарратива, или повествования (Ж.-Ф. Лиотар, Ф. Джеймсон), исходящей из идеи возможности познания мира лишь в виде литературного дискурса, рассказа/истории о нем. Например, начальному этапу созиания русских земель часто были присущи только косвенные отношения с соседствующими племенами/народами/территориями; непосредственные контакты случались, но они, как правило, были кратковременными и не всегда успевали перерости в диалог. То есть можно говорить о том, что вариативность видения и интерпретация жизни соседних племен/государств были детерминированы историко-культурными характеристиками эпохи (в частности, недостаточность осведомленности об их жизни). Интерпретацию же в контексте сказанного следует трактовать как автономный, самобытный текст (представление), продуцирование которого происходит в границах существующей ценностно-нормативной системы.

К одному из неотъемлемых компонентов памяти необходимо отнести след, трактовка которого также вариативна (чаще всего его рассматривают как знак, символ, код). Несмотря на смысловую многозначность, его априорность признается всеми подходами, поскольку след – как элемент памяти – всегда аккумулирует и конституирует соотнесенность временных периодов, выступает элементом структуриро-

вания истории (малой/частной и большой/всемирной). Более того, этот знак/символ/код пространственен, а, следовательно, наделен хронотопичностью и темпоральностью.

Таким образом, коллективную память можно рассматривать как текст, основанный на системе следов, актуализация которых детерминирована конвенциональными схемами, выработанными в данном сообществе.

Итак, функциональная значимость рассмотренных мотивов/смысловых пятен заключается в стремлении стереть границу, возникающую как результат столкновения полюсов любой дуальности (прежде всего, дихотомии «свой – чужой» в пространстве национального государства) и мешающую интеграционным процессам во всех сферах жизнедеятельности государства. То есть, «идея оппозитивного различия (difference) должна уступить место идеи различия (differance), инаковости», благодаря чему возникает основа для существования «множества не тождественных друг другу, но вполне равноправных» текстов/смыслов в пространстве общенационального текста [7, с. 37].

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что, несмотря на многозначность понятий «интертекстуальность» и «интертекст», использование данной методологии для анализа социокультурного пространства национального государства представляется, тем не менее, возможным. Даже несмотря на позицию ряда исследователей, полагающих, что общество и его история не могут рассматриваться как текст. Их опасения связаны с тем, что при подобном прочтении исчезает субъект (творческий субъект, субъект как автор текста и пр.). Однако современное социокультурное знание выделяет коллективного (группа, «социальный организм», «общественная совокупность» и пр.) и индивидуального (личность) субъекта человеческого действия [10]. В связи с этим следует говорить о возможности построения двух взаимосвязанных между собой подходов, каждый из которых будет дополнять друг друга. Кроме того, история науки демонстрирует, как правило, коллегиальность в выработке той или иной доктрины, что, бесспорно, лишь

усиливает эвристичность рассматриваемого подхода, поскольку нация есть явление коллективное. Открытие, особенно в естественнонаучных направлениях, действительно часто связано лишь с конкретной личностью, однако в дальнейшем происходит расширение знания о нем и имя первооткрывателя оказывается начальным звеном в цепочке ученых следующих поколений (например, закон Ньютона – Рихмана, открытие бозона Хиггса и кварков, давших возможность окончательно сформироваться Стандартной модели в 2000–2010-х гг.).

Таким образом, интертекстуальность детерминирована концептами «текст», «зимствование тем/сюжетов», «текстовый перевод», а ее качественными характеристиками выступают полифонизм и хронотопичность. Знаково-символические системы можно считать универсальными при формировании онтологической картины мира. Особенно успеш-

но это проявляется при анализе невербальных символовических форм. Если социокультурное пространство трактовать как текст, то перед исследователем встают уже четко сформулированные задачи, связанные с выявлением его языковых особенностей, формы и структуры, специфики используемой риторики. На следующем этапе представляется необходимым провести анализ его синтаксической системы, поскольку она демонстрирует не только означаемое, но благодаря последнему артикулирует семио- и концептосферу. Кроме того, смысловая интерпретация текста социокультурного пространства национального государства коррелирует с контекстом общемирового пространства, что позволяет объяснить как специфичность предлагаемой интерпретации, звучащей извне или изнутри, так и выявить схожесть/различие характеристик локального текста и общемирового.

Список литературы

1. Абельс Х. Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретационную социологию. Санкт-Петербург: Издательство «Алетейя», 2000. 272 с.
2. Гаспаров М. Б. Литературные лейтмотивы. Очерки русской литературы XX века. Москва: Наука, 1994. 303 с.
3. Гаспаров М. Б. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. Москва: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.
4. Застела К. С. Интертекстуальность как составляющая художественного текста // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, 2009. № 101. С. 197–200.
5. Ильин Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм [Электронный ресурс] // URL: https://royallib.com/book/ilin_ilya/poststrukturalizm_dekonstruktivizm_postmodernizm.html
6. Косиков Г. К. Ролан Барт — семиолог, литературовед // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. Москва: Прогресс, 1989. С. 3–45.
7. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 656 с.
8. Лахманин Р. Память и литература. Интертекстуальность в русской литературе XIX-XX веков / Пер. с нем. А.И. Жеребин. Санкт-Петербург: «Петрополис», 2011. 400 с.
9. Маркарян Э.С. Избранное. Наука о культуре и императивы эпохи. Москва: Издательство «ЦГИ Принт», 2014. 656 с.
10. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. 2-е изд. Санкт-Петербург: Питер, 2005. 480 с.
11. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности / Пер. с фр.; Общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. Москва: Издательство ЛКИ, 2008. 240 с.

13. Смирнов И. П. Порождение интертекста (Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 1995. 193 с.
14. Степанов Ю.С. «Интертекст», «интернет», «интерсубъект»: к основаниям сравнительной концептологии [Электронный ресурс] // URL: <http://abuss.narod.ru/Biblio/stepanov1.htm>
15. Флоренский П. А. У водоразделов мысли / Комм. С. Аверницева. Москва: «Правда», 1990. Т. 2. 447 с.
16. Ханзен-Лёве А. Интермедиальность в русской культуре: От символизма к авангарду / пер. с нем. Б.М. Скуратова, Е.Ю. Смотрицкого. Москва: Издательство Российского государственного гуманитарного университета, 2016. 450 с.

References

1. Abels H. Interaction, identity, presentation. Introduction to Interpretive Sociology. St. Petersburg: Publishing house “Aleteya”, 2000. 272 p. (In Russ.)
2. Gasparov M. B. Literary leitmotive. Essays of Russian literature of the XX century. M.: Nauka, 1994. 303 p. (In Russ.)
3. Gasparov M. B. Language, memory, image. Linguistics of linguistic existence. M.: New Literary Review, 1996. 352 p. (In Russ.)
4. Zastela K. S. Intertextuality as a component of a literary text // Izvestia of the Russian State Pedagogical University. A. I. Herzen University, 2009. No. 101. pp. 197–200. (In Russ.)
5. Ilyenkov E.V. Philosophy and culture. M.: Politizdat, 1991. 464 p. (In Russ.)
6. Ilyin I.P. Poststructuralism. Deconstructivism. Postmodernism [Electronic resource] // URL: https://royal-lib.com/book/ilin_ilya/poststrukturalizm_dekonstruktivizm_postmodernizm.html (In Russ.)
7. Kosikov G. K. Roland Bart – semiologist, literary critic // Bart R. Selected works: Semiotics: Poetics. M.: Progress, 1989. pp. 3–45. (In Russ.)
8. Kristeva Y. Selected works: The Destruction of poetics. M.: ROSSPEN, 2004. 656 p. (In Russ.)
9. Lachmann R. Memory and literature. Intertextuality in Russian literature of the XIX-XX centuries / Trans. from German A.I. Zherebin. St. Petersburg: “Petropolis”, 2011. 400 p. (In Russ.)
10. Markarian E.S. Favorites. The science of culture and imperatives of the epoch. M.: Publishing House “CGI Print”, 2014. 656 p. (In Russ.)
11. Petrenko V.F. Fundamentals of psychosemantics. 2nd ed. St. Petersburg: Peter, 2005. 480 p. (In Russ.)
12. Piege-Gro N. Introduction to the theory of intertextuality / Trans. from French; General ed. and the introductory article by G.K. Kosikova. M.: LKI Publishing House, 2008. 240 p. (In Russ.)
13. Smirnov I. P. Generation of intertext (Elements of intertextual analysis with examples from the work of B.L. Pasternak) / I.P. Smirnov. S-Pb.: St. Petersburg State University, 1995. 193 p. (In Russ.)
14. Stepanov Y.S. “Intertext”, “Internet”, “intersubject”: to the foundations of comparative conceptology [Electronic resource] // Izvestiya Akademii Nauk / Gl. ed. V.M. Gatsak. RAS. Department of Literature and Language // URL: <http://abuss.narod.ru/Biblio/stepanov1.htm> (In Russ.)
15. Florensky P. A. At the watersheds of thought / S. Avernitseva’s Comment. M.: “Pravda”, 1990. Vol. 2. 447 p. (In Russ.)
16. Hansen-Levet A. Intermediality in Russian culture: From symbolism to the avant-garde / translated from German by B.M. Skuratov, E.Y. Smotritsky. M.: Publishing House of RSUH, 2016. 450 p. (In Russ.)

*

Поступила в редакцию 22.08.2022